

Г. И. Успенский

Очерки и рассказы

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 3

Новые времена, новые заботы. Очерки и рассказы

М., ГИХЛ, 1956

Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина

Подготовка текста Р. П. Маториной

Примечания Р. П. Маториной и Г. М. Фридлендера

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

Из путевых заметок по Оке

Злые новости

Из памятной книжки

I. Там знают

II. Люди среднего образа мыслей

Шила в мешке не утаишь (*Из частного письма, полученного 23 декабря 1875 г.*)

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПО ОКЕ

...Утро "духова дня" было прекрасное; солнце ярко осветило нищенскую каморку с ободранными стенами, которую я вчера вечером мог с трудом разыскать на постоялом дворе в селе Павлове, всем известном своими замками и стальными изделиями. Чудное светлое утро значительно освежило меня и расправило уставшие члены. Всю ночь пришлось валяться на полу (так как мебели в каморке не было никакой, кроме стола и стула) на дрянном войлоке, пропитанном насекомыми, и слушать ругань, песни гнуснейшего содержания и просто пьяное оранье и бормотанье мастерового народа, разгулявшегося по случаю троицына дня. Весь этот праздничный гам был слышен в каморке моей вполне ясно, так как улица, на которой стоял постоялый двор, была очень узка. Боже мой, что это были за песни! Я не могу привести здесь ни одной, хотя непосредственное участие в них принимали женщины, о чем свидетельствовали визгливые голоса, прорезывавшие пьяные басы и крикливые звуки гармонии мастеровых. К утру все это безобразие более или менее утихло, -- и когда я встал, на улице было совершенно тихо: или спали, или опохмелялись и "поправлялись" потихоньку. Поднявшись с своего ложа, я отправился гулять. Удивительная бедность и неряшливость поражали на каждом шагу. Село, ворочающее миллионами, как будто нарочно собрало массу всякой грязи и нищеты на том превосходном месте, где раскинулось. Оно стоит на высоком берегу Оки, и с горы на реку -- вид прелестный (я был во время еще не спавшего разлива), на эти широко расстилающиеся перед глазами воды, по которым то там, то сям белеется парус или, чуть-чуть наклонившись набок и попыхивая черными, расплывающимися в длинный хвост клубами дыма, бежит пароход, на эти вереницы вершей, концы которых торчат из воды, вершей, полных рыбы, которая, впрочем, павловцу не принадлежала (по крайней мере в мою бытность река была достоянием одного монополиста), -- глядя на все это, не хочется смотреть на самый город: все как будто доживает век, все как будто прожило лучшую пору, даже на каменных домах лежит этот оттенок нерадивости... Есть несомненно и богатые хоромы, но там живет не павловский рабочий человек, который собственно нас и интересует. На каждом почти углу прибит образ. Хозяин и хозяйка, выйдя утром на рынок, с кульком или с корзинкой, и приготовляясь торговаться и кричать с торговцами и лавочниками, -- молится на этот образ и шествует уже смело. Унылые дома, пустынные улицы, на которых иной раз пошатывается пьяный мастеровой в одной рубахе, без шапки, клали на душу большой и тяжелый ком скуки. Походив таким образом час или два, посидев на берегу, я направился домой пить чай.

В широкой грязной кухне постоялого двора, -- с полом, покрытым шишками сухой грязи, правда,